

Ю.Е. Федорова

(кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии РАН; Российская Федерация, 109240, Москва, Гончарная ул.,
д. 12, стр. 1; e-mail: juliia_fedorova@mail.ru)

КЛЮЧ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ

Рецензия на: 'Аттār, Фарид ад-Дин. Божественная книга (Илахи-наме):
в 2 кн. / Изд. подгот. Л.Г. Лахути. М.: Ладомир; ВРС, 2022. 890 с. + 567 с.

Аннотация. В рецензии представлен обзор первого полного комментированного перевода на русский язык «Божественной книги» ('Илāхī-nāma) персидского поэта-суфия кон. XII — нач. XIII в. Фарид ад-Дйна 'Аттāра Нйшāпūrй, подготовленного Л.Г. Лахути. Рецензент последовательно рассматривает сюжет «Божественной книги», анализирует подход переводчика к тексту, показывая ценность поэмы для историко-философской иранистики. Предлагается посмотреть на перевод как на средство взаимодействия с интеллектуальным полем иранской культуры и найти ответ на вопрос: насколько Л.Г. Лахути удастся перекинуть «смысловый мост» к 'Аттāру, приблизить поэму к русскоязычному читателю, воссоздать ее суфийский контекст. «Божественная книга» не получила столь широкую известность как «Язык птиц» (*Мантйқ ат-тайр*), но не менее интересна нетривиальным исследованием человеческой души, ее свойств и устремлений. Особая заслуга переводчика состоит в демонстрации способа философствования 'Аттāра. Через притчи, в которых халиф размышляет о желаниях сыновей, поэт раскрывает основные концепты суфийского учения (любовь ('ишқ), самопознание и пробуждение души на пути к Богу (*тарйқ*), единобожие (*тавхйд*) и др.). «Божественная книга» явилась отражением эпохи 'Аттāра, но не в смысле описания реалий того времени, а в том, что касается формы и способа бытования суфийского знания. Показано, что в «Божественной книге» закреплена характерная для персидского суфизма модель дидактического текста.

Ключевые слова: Фарид ад-Дйн 'Аттār, Лейла Лахути, суфизм, персидская литература, дидактическая поэма (*маснавй*), «Божественная книга» ('Илāхī-nāma), притча, перевод.

Yulia E. Fedorova

(PhD, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, RAS;
Goncharnaya str., bld. 12s1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: juliia_fedorova@mail.ru)

The Key to the Human Soul

A Review of: ‘Attar, Farid al-Din. *Bozhestvennaya kniga* (Ilakhi-name)
[Divine Book (*Ilāhī-nāmah*)], trans. by L.G. Lakhuti, vol. 1–2.
Moscow: Lodomir Publ., VRS, 2022, 890 p. + 567 pp. (Russian Translation)

Abstract. The review presents an overview of the first complete Russian annotated translation of the “Divine Book” (*Ilāhī-nāmah*) by Farīd al-Dīn ‘Aṭṭār Nīshābūrī, the Persian Sufi poet of the late 12th — early 13th centuries, prepared by L.G. Lakhuti. The reviewer consistently examines the plot of the “Divine Book”, analyzes the translator’s approach to the Persian text, and demonstrates the value of ‘Aṭṭār’s poem for historical and philosophical Iranian studies. It is proposed to look at translation as an instrument of interaction with the intellectual field of Iranian culture and find an answer to the question: does L.G. Lakhuti succeed in throwing a “semantic bridge” to ‘Aṭṭār, bringing the “Divine Book” closer to the Russian-speaking reader, and recreating its Sufi context. The “Divine Book” is less known than “The Language of the Birds” (*Manṭiq al-ṭayr*), but no less important. In it, ‘Aṭṭār presented a non-trivial teaching of the human soul, its qualities and aspirations. The translator’s special merit lies in demonstrating ‘Aṭṭār’s method of philosophizing. We see how, through the story of the king’s conversation with his sons about their desires, the poet reveals the central concepts of Sufi doctrine: love (*‘ishq*), self-knowledge and awakening of the soul on the Path to God (*ṭarīq*) and monotheism (*tawḥīd*). The “Divine Book” was a reflection of the era in which the poet lived, but not in the sense of describing the realities of that time, but in what concerns the form of existence of Sufi knowledge. It is shown that the “Divine Book” enshrines the special model of Persian Sufi didactic text.

Keywords: Farīd al-Dīn ‘Aṭṭār Nīshābūrī, Leila Lakhuti, Sufism, Persian Literature, Didactic Poem (*mathnawī*), “Divine Book” (*Ilāhī-nāmah*), Parable, Translation.

В 2022 г. тихо, если не сказать незаметно, для отечественной научной общности свершилось по-настоящему значительное событие — вышел в свет полный комментированный перевод уникального литературного памятника — «Божественной книги» (*‘Ilāhī-nāma*) средневекового персидского поэта Фарид ад-Дина ‘Аттара Нйшапурси (кон. XII — нач. XIII в.). Издание подготовила Лейла Гасемовна Лахути, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, вдумчивый исследователь и переводчик персидской поэтической классики. В результате мы получили возможность познакомиться с одним из лучших образцов суфийской дидактической поэмы (*masnavī*), услышать живой голос ‘Аттара, бережно сохраненный и переданный переводчиком.

За несколько лет, что прошли с момента публикации «Божественной книги», не было напечатано ни одной рецензии, хотя работа была встречена нашими коллегами иранистами (литературоведами и филологами), очень тепло, а сам перевод ждали долгие годы. Появление этого текста исключительно важно и для развития историко-философских исследований, но этот факт, к сожалению, не столь очевиден. Все еще трудно преодолеть известный скепсис по отношению к поэтической форме выражения знания, основной «недостаток» которой — иносказательность и потому невозможность выстроить связанное непротиворечивое рассуждение — видится в принципе неискоренимым. Но поэзия отнюдь не «методологический оппонент» строгой систематизации. Напротив, персидские поэты-суфии старались упорядочить свои религиозные переживания, а также накопленные знания в области суфийской теории и практики. Для описания коротких быстротечных состояний (*aḥwāl*) они зачастую прибегали к поэтическому языку: «Поэзия воздействует непосредственно на чувство и, следовательно, может передать самые тончайшие оттенки переживаний, которые иным способом зафиксированы быть не могут» [Бертельс, 1965, 60–61]. Это стремление к *точности* в описании собственных переживаний позволило поэтам разработать особый язык для их осмысления — *uṣṭilāḫāt aṣ-ṣūfīyīya*. Со временем появились специальные словари поэтических терминов и выражений, в которых за каждой поэтической формулой были закреплены соответствующие термины суфийского учения и/или их сочетания. В этом ракурсе — как один из выдающихся примеров поэтической фиксации знания и филигранно выстроенного суфийского дискурса — и следует рассматривать «Божественную книгу» ‘Аṭṭāra.

Публикация перевода поэмы стала, по сути, камерным событием, и это, что символично, полностью соответствовало духу ее автора с присущей ему подлинно суфийской добродетелью — скромностью (*frūṭīnī*). ‘Абū Йазиду ал-Бистāmī (848–875), основоположнику т.н. опьяненного направления в суфизме, приписывают афористичное высказывание о суфийских добродетелях: «Суфий должен обладать щедростью океана, снисходительностью солнца и скромностью земли» [Шиммель, 2012, 340]. ‘Аṭṭāra с его поэтической плодовитостью, умением щедро делиться знанием как с учеными мужами (*ḫāṣṣa*), так и самими обычными слушателями (*‘āmma*) обладал еще и скромностью истинного суфия. Завершив традиционные странствия за мудростью, он вел уединенный образ жизни и при всем своем незаурядном литературном таланте заверял, что поэтом (*shā‘ir*) себя вовсе не считает, но лишь рассказывает о деяниях суфиев минувших дней [‘Аṭṭār, 1386 г.х., 450].

Не менее скромнен и переводчик «Божественной книги». Л.Г. Лахути отличается трепетное и уважительное отношение к тексту и поэту. Ей удастся поймать в переводе правильную интонацию, точно передать настроение всей истории, не перебивая и не заглушая в переводе самого автора, ‘Аṭṭāra, найти баланс между верностью персидскому оригиналу и прекрасным русским языком.

Тем не менее я решилась прервать это скромное молчание, обратить внимание на «Божественную книгу» именно сейчас. Прошло еще не так много времени, чтобы книга окончательно пропала из поля зрения потенциальных читателей, и они смогли бы убедиться, что она действительно необходима каждому из нас — независимо от того, имеет ли человек отношение к профессиональному изучению персидской литературы и суфизма, или же им движет интерес к чему-то новому, созданному по непривычным для нас литературным канонам.

I

‘Аттār и его «Божественная книга»

Фарид ад-Дин ‘Аттār (1145/1146 — около 1221) — поэт удивительной судьбы, в жизнеописании которого неразрывно сплелись правда и вымысел, создав примечательный портрет¹. Уроженец Нишапура, крупнейшего центра хорасанского суфизма, потомственный аптекарь, и вероятно, врачеватель, ‘Аттār не получил «академического», системного образования, но постиг основы религиозных наук и поэтического искусства, избрав для себя суфийский путь служения Богу, а не стезю придворного поэта. Оставляя за скобками споры о поэтическом наследии ‘Аттāра, отмечу, что в историю персидской литературы он вошел как «величайший мастер *маснави*»² [Шиммель, 2012, 299] и «распространитель благоухания божественного знания» [Чалисова, 2016, 196]³.

«Книга тайн» (*Асрār-nāma*), «Книга скорби» (*Муṣībāt-nāma*), «Божественная книга» (*‘Илāhī-nāma*) и «Язык птиц» (*Мантиқ ат-ṭайр*) — главные поэмы ‘Аттāра. Они явились итогом почти двухсотлетней традиции разработки формы для пространного изложения суфийского учения, основоположником которой был другой прославленный персидский поэт ‘Абӯ ал-Маджд Мадждūd Санā’ī (1087–1130). Появление *маснави* не только означало развитие нового жанра суфийской поэзии, но и послужило важным инструментом для активного распространения суфийского же знания. Следуя по стопам Санā’ī, Фарид ад-Дин ‘Аттār соединил суфийскую проповедь (с характерными для нее вопросно-ответной формой и «украшениями» в виде притч) с обрамленной

¹ Подробные биографические сведения об ‘Аттāре собраны в: [Лахути, 2022⁶, 897–962; Федорова, 2023, 25–58].

² *Маснави* представляет собой довольно объемную поэму, написанную двестишестью (бейтами) с попарно рифмованными полустушиями (*миṣrā’*). В отличие от коротких газелей или рубай, она позволяла подробно излагать философские и этические концепции, сочетать увлекательный сюжет с глубоким философским содержанием.

³ Отсылка к литературному псевдонику (*тахаллуṣ*) поэта: *‘Аттār* — букв. «наполняющий благоуханием», а также «изготовитель благовоний», «аптекарь».

повестью и создал каноничный вариант суфийской поэмы, которая стала служить источником вдохновения для последующих поколений поэтов.

«Божественная книга» составлена из шести циклов бесед халифа с сыновьями, каждый из которых обладает глубокими познаниями⁴. Когда отец просит их поведать о самых сокровенных желаниях (*арзӯ*), с горечью замечает, что их устремления сосредоточены на материальных благах. Первый сын ищет союза с прекрасной дочерью царя всех пери (*духтар-и шāх-и парийāн*) и видит любовь к ней самой совершенной. Второй сын мечтает овладеть магией (*джāдӯгарӣ*), чтобы сообразовать все в мире со своими желаниями. Третий сын ищет чашу Джамшида (*джām-и Джам*), обладание которой откроет перед ним тайны мироздания. Четвертый сын грезит об источнике воды жизни (*āб-и ҳайāt*), стремясь обрести бессмертие. Пятый сын надеется получить перстень Сулаймана (*ангуштар-и Сулаймāнӣ*), чтобы на века упрочить свое владычество. Шестой сын стремится постичь основы алхимии (*кīmийā*) и создать эликсир, превращающий металлы в золото. Отец выслушивает сыновей и предлагает подробное толкование их устремлений, привлекая для иллюстрации разнообразные притчи.

Помогая читателям сориентироваться в мире суфийских «смыслов», ‘Атṭār предпосылает истории о царе и сыновьях «Воззвание к душе». Здесь он вводит концепцию шести «сыновей» души, которую именует «халифом»:

Ты — царь и халиф навечно,
у тебя шесть сыновей, и каждый — уникален.

585. Каждый твой сын — велик и славен,
ибо в своем искусстве каждый — уникален.

Один — *Нафс*, и место его в чувствилище,
один — *Шайтан*, и мысли его — в воображаемом.

Один — *Разум*, говорящий об умопостигаемом,
один — *Знание*, что ищет сведений.

Один — *Нищета*, желает небытия [всех вещей],
один — *Таухид*, желает единой сущности.

Если эти шесть обретут путь согласно [высшему] велению,
они обретут Вечное Присутствие [перед Богом].

⁴ Г. Риттер усматривал схожесть композиций «Языка птиц», «Книги скорби» и «Божественной книги» в наличии зачина, рамочной истории с вкраплениями отдельных рассказов и послесловия [Ritter, 2003, 2]. Но в обрамленной повести «Божественной книги» нас встречает открытый финал.

590. Поскольку ты навечно — халиф,
от твоей милости весь мир полон милостивости.

Надень черные [одежды] наместничества, подобно Адаму,
пустись в странствие в себе самой, подобно Вселенной.

[‘Атṭār, 2022^a, 67]

По замыслу Фарйд ад-Дйна ‘Атṭāра, главным персонажем поэмы становится именно халиф, что содержит аллюзию к коранической истории о том, как человек получил статус наместника божьего (*халифа*) на земле⁵. Переводчик поэмы Л.Г. Лахути указывает, что в «Божественной книге» как бы вшиты один в другой «рассказ и о человеке — потомке Адама, и о человеческой душе, которая сущностно непостижима, но проявляется в своих “сыновьях”» [Лахути, 2022^б, 943].

Внимательное прочтение бесед, составляющих ядро «Божественной книги», помогает читателям увидеть в каждом из устремлений сыновей отсылки к суфийским концептам. ‘Атṭār показывает, что подлинный смысл искомой первым сыном любви — возвышение нафс, души, побуждающей к злу (*нафс ‘аммāра би-с-сū’*); ее преобразование в душу успокоенную, готовую к единению с Богом *нафс мутма’инна*). Истинная магия, к которой стремится второй сын, состоит не в способности менять обличья, а в умении подчинить *шайṭāна* воображения, вернуть себе истинное восприятие мира. Желание третьего сына разворачивается в стремление к овладению всеми свойствами разума (*‘ақл*), который поможет объяснять мир. Истинная цель четвертого сына обретает форму духовного знания (*‘илм*), которое неподвластно времени и смерти. Мечты пятого сына о перстне Сулаймāна на самом деле означают не материальное могущество или власть над миром, а осознание того, что истинная сила заключается в отказе от всех земных привязанностей и от своего «я». Готовность шестого сына создать алхимический эликсир выливается в стремление привести все элементы бытия к единству, что лежит в основании концепции единобожия (*тавхїд*) в исламе и суфизме в частности.

Итак, ‘Атṭār выстраивает сюжет «Божественной книги» таким образом, чтобы не только выразить центральную идею суфийского учения о стадийности пути к Богу, но и попытаться осмыслить, как именно душа человека может постичь божественное единство (*тавхїд*). Каждая из бесед фокусируется на различных аспектах этого пути, но неизменным остается рассуждение об основах суфийского учения — самопознании, освобождении от притязаний своего «я» и переживании состояния *фанā’*. ‘Атṭār облекает это знание в увлекательные истории и иносказания, что позволяет читателю почувствовать путь души,

⁵ См. суру «Корова»: «И вот, сказал Господь твой ангелам: “Я устанавливаю на земле наместника”. Они сказали: “Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святым Тебя?” Он сказал: “Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!” [Коран, 1986, 2:28 (30)].

пережить его через поэтическое слово. И это неслучайно: «во всех его аутентичных собраниях сочинений нет ни одного стиха без мистической окраски; фактически, ‘Атṭār посвятил суфизму всю свою литературную жизнь [Lewisohn, Shackle, 2006, xix].

II

Переводчик и его стратегия

Переходя к разговору о переводе «Божественной книги» и переводческом «ключе», мне хотелось бы обратить внимание на несколько существенных моментов. Важно иметь в виду, что не существует одного общепризнанного критического издания поэмы. Для средневекового памятника, действительно, это вполне типично. Существует несколько редакций предисловия, до сих пор ведутся споры о том, какое из них является аутентичным. Л.Г. Лахути оказалась в непростой ситуации выбора критического издания, от которого зависело, какой именно вариант *’Илāḫī-nāma* предстанет перед русскоязычным читателем. В послесловии она пояснила, что перевод вступительного славословия Богу выполнялся по варианту, выбранному Ф. Рухани, «как наиболее совершенному поэтически» [‘Атṭār, 2022⁶, 959]; к работе также привлекалось критическое издание, подготовленное М.Р. Шафй’и Кадканй, в котором собраны и учтены ранее неизвестные рукописи [‘Атṭār, 1388 г.х.].

Хотелось бы отметить удачно выбранный перевод названия. Персидское *’Илāḫī-nāma* предполагает сразу несколько вариантов перевода: это и «Книга о божественном», и «Книга о Боге», и даже «Книга Бога» по аналогии с «Книгой царей» (*Шāḫ-nāma*) ‘Абӯ ал-Қāsима Фирдаусй. Л.Г. Лахути указывает, что здесь может также подразумеваться и личная мольба к Богу: «О Боже!» (*’Илāḫī*). В этом случае название поэмы можно перевести как «Книга воззвания к Богу» [Лахути, 2022⁶, 941]. Авторы переводов поэмы на английский и французский языки остановились на более калькированных вариантах (у Дж.-Э. Бойла — «The Book of God», у Ф. Рухани — «Le Livre Divin»). Л.Г. Лахути выбрала вариант «Божественная книга», стремясь к тому, чтобы в названии поэмы был отражен замысел ‘Атṭāра, который признавался, что эта книга «явилась от божественной щедрости» [Там же].

Впервые «Божественная книга» была переведена на французский язык. Автором перевода стал Ф. Рухани, ранее подготовивший рукопись поэмы к изданию. В своей работе Рухани следовал формуле: «Неуклонно придерживаться смысла и духа оригинала, стремясь передать содержание текста в той мере, в какой это позволяют возможности французского языка» [‘Атṭār, 1990, 32]. В 1976 г., благодаря стараниям Дж.-Э. Бойла, был опубликован перевод поэмы на английский язык. В коротком предисловии он не останавливался на избранном им методе, но указывал, в чем состоит специфика текста и имплицитная

сложность для переводчика: ‘Атṭār прекрасно разбирался в средневековой исламской литературе, знал Коран и хадисы, был глубоко начитан в истории доисламских пророков, сведущ в легендах из эпической поэмы «Книга царей» Фирдауси, с легкостью черпал вдохновение из сказаний об Александре Македонском, Синдбаде-мореходе и народных сказок [‘Атṭār, 1976, xx–xxi].

Безусловно, работа с текстом, созданным в реалиях другой культуры, требует выработки определенной стратегии перевода. Это особенно важно в случае ‘Атṭāра, стиль которого оказывается «насквозь пронизанным намеками на философские доктрины и требующем от читателя уверенной ориентировки в ‘*улūм ас-сūфиййа*» [Бертельс, 1965, 354]. Л.Г. Лахути очень подробно разъясняет свой подход к тексту и способы передачи терминов и реалий:

Предлагаемый здесь филологический перевод в сочетании с историко-филологическим комментарием стремится по мере сил выявить и отразить сложные внутренние взаимосвязи, философское и суфийское наполнение («смыслы») сложной и многослойной поэмы ‘Аттара, а также описать поэтические приемы там, где передать их в переводе не позволяет русский язык. Иначе говоря, перевод не может передать красоту звучания, но старается передать красоту мысли [‘Атṭār, 2022⁶, 954].

В то же время она отмечает с осторожностью, что не стремится вскрыть философский пласт смысла «Божественной книги». Тем не менее проделанная ею работа по составлению комментария помогает вдумчивому читателю прояснить сложные фрагменты поэтического текста. Л.Г. Лахути с такой честностью и основательностью подошла к работе, что в результате к переводу добавился солидный раздел с текстами, отсылки к которым содержатся в «Божественной книге». Так в нашем распоряжении оказался двухтомник, украсивший серию «Литературные памятники».

Для таких текстов, как поэмы ‘Атṭāра, требуется переводчик особого типа и душевного склада. Точно выверенный, отработанный текст и идеально подходящий переводчик, способный понять автора и уловить то, что напрямую не сказано в тексте первоисточника, — вот идеальные слагаемые удачного перевода. Работу над ним можно сравнить с приготовлением *муфарриха* — особого успокоительного снадобья, веселящего сердце и снимающего нервное напряжение. Его варили на огне, добавляя мелко толченный рубин, золотой и серебряный порошок, мускус, а также жемчуг (*джавхар*), который необходимо было предварительно расплавить. Так и переводчик должен расплавить эту «жемчужину», т.е. растворить свое «я», настолько проникнуться духом истории, чтобы не привнести в нее ничего лишнего, от себя, сделать себя выразителем авторского замысла.

Признаюсь, что близко знакома с Л.Г. Лахути. Когда я только приступила к переводу «Языка птиц», именно она помогла мне открыть для себя ‘Атṭāра, найти способ сохранить авторскую тональность в переводе. Опыт и компетенции

Л.Г. Лахути общепризнаны: она участвовала в нескольких масштабных проектах по переводу персидской классики, много сил отдавала редактированию и преподаванию искусства перевода в условиях культурной отдаленности, но ‘Атṭār неизменно оставался в центре ее научного интереса, уступая это место только Фирдаусй. И наконец, она по-особому работает с текстом ‘Атṭāra. Позволю себе поделиться одной из самых любимых притч из «Божественной книги», чтобы дать возможность почувствовать стиль переводчика:

Так рассказывали славные учителя,
что есть лань, которая сорок суток

6540. ни сухой былинки не съест, ни колючки,
лишь раз-другой найдет ароматный цветок.

Когда соблюдет эти сорок дней в чистоте,
на рассвете поднимает голову навстречу утру.

И когда рассвет выдыхает свое дыхание,
она втягивает в себя этот утренний воздух.

Когда то дыхание войдет в кровь ее души,
из ее пупка начинает источаться мускус.

От того дыхания появляется в ней мускус,
и из-за того дыхания желают ее люди.

6545. Знает ли кто в целом мире о том дыхании,
от которого кровь в один миг становится мускусом?!

Если кровь становится мускусом от чистого дыхания,
то может и прах от него сделаться душой.

Да, когда свет Истины войдет в душу,
твое тело полностью примет цвет души.

Что́ я скажу еще! Нет тому возможности,
ибо душе моей на большее нет дозволения.

Если творишь эликсир — вот так твори его,
только создавай этот эликсир на пути веры.

6550. Этот эликсир не в ‘Арше и не в Курси,
что ты спрашиваешь? Взыскуй его от своей души!

Создай этот эликсир, если ты муж Пути,
ибо это Божий эликсир для души.

[‘Атṭār, 2022^a, 634–635]

‘Атṭār намеренно замыкает цепочку бесед царя с сыновьями «Притчей о мускусной лани», раскрывающей суть истинной алхимии. Поэт показывает, что истинная цель человека — совершенствование в этом особом «алхимическом» искусстве, т.е. постоянное очищение души. Суфийская идея о том, что человек может стать «алхимическим сосудом», превратить себя в средство самопознания Бога, является ведущей интенцией «Божественной книги». Человек должен научиться освобождать себя от привязанностей и эгоистических желаний, чтобы обрести истинное понимание своей души и связи с Богом.

Истории ‘Атṭāra указывают путь к такому виду алхимии, — пишет А. Шimmel в предисловии к англоязычному переводу «Божественной книги», — они хранят следы этого аромата разной степени чистоты; все больше погружаясь в них, читатель лучше понимает стоящие перед нами высокие идеалы, изложенные ясным языком, без сухих теологических рассуждений, и тем лучше сможет наполнить сердце благоуханием их мудрости [‘Атṭār, 1976, xvi].

Хочется надеяться, что замечательный перевод Л.Г. Лахути найдет отклик у читателей. Каждый, кто доверится мастерству переводчика и откроет «Божественную книгу» с намерением совершить эту духовную трансформацию, непременно пополнит ряды почитателей ‘Атṭāra, готовых услышать от него замечательную историю или мудрый совет:

Поскольку ты не знаешь тайны грядущего,
ни на кончик волоска не отрекайся от нее,

не твори в своем невежестве ни признания, ни отрицания,
ибо наличность станет явной [лишь] завтра!

[‘Атṭār, 2022^a: 306]

* * *

Книги приходят к читателям разными путями, но неизменно в самый подходящий момент. Теперь настала пора для «Божественной книги» Фарйд ад-Дйна ‘Атṭāra — и, как мне представляется, это в некоторой степени символично. Поэт жил и писал в непростое время. Литературное творчество стало для него не просто одним из способов выразить приверженность суфийскому учению, оно подарило ему возможность сохранить себя, размышляя о человеческой душе и путях обретения Бога. Стиль ‘Атṭāra сразу узнаваем, а тексты обладают ценным свойством: распространяя «аромат» истинного знания, над которым не властно время, они служат утешением в трудные моменты. Я познакомилась с поэзией ‘Атṭāra в студенчестве, осваивая перевод с персидского языка, обращалась к его текстам в разные периоды жизни. Они раз за разом помогали осмыслить происходящее, найти ответы на волнующие вопросы.

Л.Г. Лахути назвала послесловие к переводу «Душа человека в историях и диалогах», показывая присущий ‘Атṭāру стиль повествования. Найдя верный

переводческий ключ к тексту «Божественной книги», она вручила каждому из нас «ключ» к нашей собственной душе. Благодаря выверенному годами переводу, выросшему из самого сердца, мы погружаемся во вдумчивое исследование человеческой души, предпринимаемое ‘Аттāром, слышим его призыв вступить на путь самопознания. Во многом этому способствует и визуальное оформление книги, с прекрасно исполненными иллюстрациями, прекрасно предающими дух первоисточника.

«Божественная книга» с ее неоспоримыми литературными достоинствами интересна и для историка философии. Этот текст — фиксация порой эмоциональной, но все-таки последовательной мысли поэта-суфия, отнюдь не образец сдержанной трактатной философии. Читая поэму, мы ощущаем пульсацию мысли ‘Аттāра-рассказчика, которая всякий раз заново собирается из различных историй, подобно картинке из разноцветных стеклышек в калейдоскопе.

Поэзия придает размышлениям на философские темы личный, в некоторой степени исповедальный характер. Невозможно не восхититься, наблюдая с какой ловкостью и хирургической точностью ‘Аттār препарирует человеческие желания, не описывая, а показывая, что представляет собой суфийский путь к Богу; как постепенно между душой человека и Богом снимаются «завесы», принимающие форму эгоистичной любви и колдовских чар, стремления к безграничному познанию и бессмертию, неограниченной власти и овладению алхимией. Иносказательная манера ‘Аттāра оказывается не менее серьезным средством убеждения, нежели философские аргументы.

«Божественную книгу» можно назвать литературным слепком эпохи, «энциклопедией» суфийского учения в том виде, как оно сформировалось ко времени ‘Аттāра. В то время, наряду с трактатами по теоретическому и практическому суфизму со скрупулезными классификациями «стоянок» и «состояний» на пути к Богу⁶, получили широкое хождение сборники жизнеописаний суфийских подвижников, содержащие полулегендарные, а зачастую и полностью вымышленные сведения, а на суфийских собраниях распевались газели и рубаи. Благодаря ‘Аттāру суфийские идеи получили распространение среди широкой аудитории: от просвещенных мужей и наставников тарикатов до рядовых слушателей на городских улицах и базарах. Все эти формы распространения суфийского знания ‘Аттār интегрировал в циклы бесед в «Божественной книге», тем самым превратив ее в ценный источник для историко-философского исследования.

⁶ См., к примеру: «Стоянки стремящихся к Богу» (*Манāзил ал-қāсидйн ’илā Аллāх*) Хакима ат-Тирмизй (ум. 936/938), «Кушайриево послание о суфийской науке» (*ар-Рисāла ал-қушайриййа фй ’илм ат-таcаввуф*) ‘Абд ал-Карйма ал-Қушайрй (986–1072), «Стоянки странствующих [к Богу]» (*Манāзил ас-сā’ирйн*) ‘Абдуллāха ал-Ансāрй (1006–1078).

Опубликованный филологический перевод «Божественной книги» открывает перед иранистами и историками философии новые перспективы. Если раньше задача представить философский анализ произведений крупнейших персидских поэтов-суфиев перед историками философии просто не стояла, то сейчас ситуация существенным образом изменилась. За последние годы опубликовано сразу несколько историко-философских работ, в которых освещаются философские взгляды знаменитых персидских поэтов⁷, которые постепенно отвоевывают себе место в ряду крупнейших исламских философов Средневековья.

Список использованных источников и литературы

- ‘Аттār, 1386 г.х. — ‘*Aṭṭār-u Nūshābūrī, Farīd ad-Dīn Muḥammad ibn Ibrāhīm. Muṣībāt-nāma / Muḥaddama, taṣḥīḥ wa ta’līqāt-i Muḥammad Rizā Shafī’ī Kadkanī. Čāp-i 3. Madjmū’a-i āṣār-i ‘Aṭṭār, 3. Tīhrān: Intišārāt-i Suḥan, 1386 г.х. [2007/2008]. 957 с.*
- ‘Аттār, 1388 г.х. — ‘*Aṭṭār-u Nūshābūrī, Farīd ad-Dīn Muḥammad ibn Ibrāhīm. Ilāhī-nāma / Muḥaddama, taṣḥīḥ wa ta’līqāt-i Muḥammad Rizā Shafī’ī Kadkanī // Madjmū’a-i āṣār-i ‘Aṭṭār, 2. Čāp-i 5. Tīhrān: Intišārāt-i Suḥan, 1388 г.х. [2009/2010]. 902 с.*
- ‘Аттār, 1990 — *Le livre divin, Elahi-Nameh [par] Fariddudine Attar. Traduction française de Fuad Rouhani. Préf. de Louis Massignon. 2nd ed. Paris: A. Michel, 1990. 478 p.*
- ‘Аттār, 1976 — *The Ilāhī nāmah, or Book of God of Farīd al-Dīn ‘Aṭṭār / Translated from the Persian by John Andrew Boyle; with a foreword by Annemarie Schimmel. Manchester: Manchester University Press, 1976. xxi + 392 p.*
- ‘Аттār, 2022^a — ‘*Аттар, Фарид ад-Дин. Божественная книга (Илахи-наме): в 2 кн. / Изд. подгот. Л.Г. Лахути. Кн. I. М.: Ладомир; ВРС, 2022. 890 с.*
- ‘Аттār, 2022^b — ‘*Аттар, Фарид ад-Дин. Божественная книга (Илахи-наме): в 2 кн. / Изд. подгот. Л.Г. Лахути. Кн. II. М.: Ладомир; ВРС, 2022. 567 с.*
- Бертельс, 1965 — *Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература / Избранные труды. Т. 3. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1965. 524 с.*
- Коран, 1986 — *Коран / Пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1986. 727 с.*
- Корнеева, 2021 — *Корнеева Т.Г. Насир Хусрав и его философские взгляды / Отв. ред. А.В. Смирнов, Н.Ю. Чалисова. М.: ООО «Садра», 2021. 224 с.*
- Лукашев, 2020 — *Лукашев А.А. Мир смысла в немногих словах: философские взгляды Махмуда Шабистари в контексте эпохи / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра», 2020. 320 с.*

⁷ Историко-философская реконструкция взглядов Нāсира Хусрава, ‘Аттāра и Махмұда Шабистарī представлена в работах: [Корнеева, 2021; Федорова, 2023; Лукашев, 2000].

- Федорова, 2023 — Федорова Ю.Е. Странствие в познании: Опыт философского прочтения поэмы Фарид ад-Дина Аттара «Язык птиц» / Отв. ред. А.В. Смирнов, Л.Г. Лахути. М.: ООО «Садра», 2023. 288 с.
- Чалисова, 2016 — Чалисова Н.Ю. Путь и дороги праведных в книге 'Аттара «Поминание друзей Божиих» // Шаги | Steps. 2016. Т. 2. № 2–3. С. 194–207.
- Шиммель, 2012 — Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Садра», 2012. 536 с.
- Lewisohn, Shackle, 2006 — Lewisohn L., Shackle Ch. Editors' Introduction and Acknowledgements // Attar and the Persian Sufi Tradition: the Art of Spiritual Flight / Ed. by L. Lewisohn & Ch. Shackle. London; New York: I.B. Tauris; London: in association with the Institute of Ismaili Studies, 2006. P. xvii–xxvii.
- Ritter, 2003 — Ritter H. The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Farid al-Din Attar / Trans. J. O'Kane with the editorial assistance of B. Radtke. Leiden, NL: Brill, 2003. xxvi + 832 p.

References

- 'Aṭṭār-i Nīshābūrī, Farīd al-Dīn Muḥammad ibn Ibrāhīm. *Muṣibat-nāmah: muqaddimah, taṣḥīḥ va ta'liqāt-i Muḥammad Riṣā Shafī'ī Kadkanī* [The Book of Sorrow. Intro. & comment. by Muhammad Riza Shafi'i Kadkani]. Chāp-i 3. Majmū'ah-'i āṣār-i 'Aṭṭār, 3. Tih-rān: Intishārāt-i Sukhan, 1386 H. [2007/2008], 957 pp. (In Persian)
- 'Aṭṭār-i Nīshābūrī, Farīd al-Dīn Muḥammad ibn Ibrāhīm. *Ilāhī-nāmah: muqaddamah, taṣḥīḥ va ta'liqāt-i Muḥammad Riṣā Shafī'ī Kadkanī* [Divine Book. Intro. & comment. by Muhammad Riza Shafi'i Kadkani]. Chāp-i 5. Majmū'ah-'i āṣār-i 'Aṭṭār, 2. Tih-rān: Intishārāt-i Sukhan, 1388 H. [2009/2010], 902 pp. (In Persian)
- 'Aṭṭār, Farīd al-Dīn. Le livre Divin, Elahi-Nameh [par] Fariddudine Attar. Traduction française de Fuad Rouhani. Préf. de Louis Massignon. 2nd ed. Paris: A. Michel, 1990, 478 pp.
- 'Aṭṭār, Farīd al-Dīn. The Ilāhī nāmah, or Book of God of Farīd al-Dīn 'Aṭṭār / Translated from the Persian by John Andrew Boyle; with a foreword by Annemarie Schimmel. Manchester: Manchester University Press, 1976, xxi + 392 pp.
- 'Attar, Farid al-Din. *Bozhestvennaya kniga (Ilakhi-name)* [Divine Book (*Ilāhī-nāmah*)], trans. by L.G. Lakhuti, vol. 1. Moscow: "Ladomir" publ., VRS publ., 2022, 890 pp. (Russian Translation)
- 'Attar, Farid al-Din. *Bozhestvennaya kniga (Ilakhi-name)* [Divine Book (*Ilāhī-nāmah*)], trans. by L.G. Lakhuti, vol. 2. Moscow: "Ladomir" publ., VRS publ., 2022, 567 pp. (Russian Translation)
- Bertel's, E.E. "Sufizm i sufiiskaya literatura" [Sufism and Sufi Literature]. In: E.E. Bertel's, *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 3. Moscow: "Nauka" publ., "Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury" publ., 1965, 524 pp. (In Russian)

- Korneeva, T.G. *Nasir Khusrav i ego filosofskie vzglyady* [Nasir Khusraw and His Philosophical Views], ed. by A.V. Smirnov & N.Yu. Chalisova. Moscow: "Sadra" publ., 2021, 224 pp. (In Russian)
- [Krachkovskii I.Yu.] *Koran* [Quran], trans. from Arabic and comm. by I.Yu. Krachkovskii, 2nd ed. Moscow: "Nauka" publ., "Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury" publ., 1986, 727 pp. (Russian Translation)
- Lukashev, A.A. *Mir smysla v nemnogikh slovakh: filosofskie vzglyady Makhmuda Shabistari v kontekste epokhi* [A World of Mystery in a Few Words. Philosophy of Mahmud Shabistari in the Context of His Epoch], ed. by A.V. Smirnov. Moscow: "Sadra" publ., 2020, 320 pp. (In Russian)
- Fedorova, Yu.E. *Stranstvie v poznanii: Opyt filosofskogo prochleniya poemy Farid ad-Dina Attara «Yazyk ptits»* [The Knowledge Journey: Experience of Philosophical Reading of Farid al-Din Attar's Poem "The Language of the Birds"], ed. by A.V. Smirnov & L.G. Lakhuti. Moscow: "Sadra" publ., 2023, 288 pp. (In Russian)
- Chalisova, N.Iu. "Put'i dorogi pravednykh v knige 'Attara 'Pominanie druzei Bozhiikh'" [The Way and the Paths of the Righteous in the Memorial of God's Friends by Farid ad-Din 'Attar]. In: *Shagi | Steps*, 2016, vol. 2, no. 2–3, pp. 194–207. (In Russian)
- Schimmel, A. *Mir islamskogo misticizma* [Mystical Dimensions of Islam], trans. by N.I. Prigarina & A.S. Rappoport, 2nd ed., rev., corr. Moscow: "Sadra" publ., 2012, 536 pp. (Russian Translation)
- Lewisohn L., Shackle Ch. "Editors' Introduction and Acknowledgements". In: Lewisohn L. & Shackle Ch. (ed). *Attar and the Persian Sufi Tradition: the Art of Spiritual Flight*. London; New York: I.B. Tauris; London: in association with the Institute of Ismaili Studies, 2006, pp. xvii–xxvii.
- Ritter, H. *The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Farid al-Din Attar*, trans. by J. O'Kane with the editorial assistance of B. Radtke. Leiden: Brill, 2003, xxvi + 832 pp.